

16+

Нина Дианина

Возвращение в неизвестное

Книга 1

Нина Дианина

Возвращение в неизвестное

«Автор»

2020

Дианина Н.

Возвращение в неизвестное / Н. Дианина — «Автор», 2020

Первая книга из цикла "Возвращение в неизвестное". Элеонора Сергеевна волей случая знакомится с магом-странником, которому настало время вернуться домой в свою эпоху. Он предлагает ей и своему другу Павлу отправиться вместе с ним, используя временные порталы и их особое свойство, ради которого можно оставить свою старую жизнь и пуститься в этот путь, полный опасностей.

© Дианина Н., 2020

© Автор, 2020

Глава 1

Элеонора Сергеевна сидела в парикмахерском кресле и молча рассматривала себя в зеркало. Из зеркала на неё глядела немолодая усталая женщина, которую она помнила еще юной симпатичной девчушкой с румянцем во всю щёку. С прискорбием приходилось признать, что ни косметика и никакие другие ухищрения уже не вернут даже слабое подобие той румяной девушки, которую за десятки лет заменила эта пенсионерка, внимательно наблюдающая за Элеонорой Сергеевной из зеркала.

Лидочка, местный мастер парикмахерского искусства, сосредоточенно орудовала ножницами над её головой и пыталась сделать из сидящей перед ней в кресле лохматой старушки приличную женщину. Что удивительно, у неё это даже получалось. Медленно, но верно переросшие седоватые пряди принимали нужную аккуратную форму, а весь облик Элеоноры Сергеевны стал обзаводиться даже каким-то подобием привлекательности, несмотря на свою блёклость, потёртость, морщинистость и, чего уж греха таить, прочие явные признаки неуклонно наплывающей старости.

Ножницы мастера, тихо прищёлкая, летали над головой немолодой клиентки, расческа отделяла точные пряди, зажимы то там, то сям висели на волосах.

– Да уж, – шепнуло Элеоноре зеркало, – в шестьдесят лет гладкостью и упругостью кожи хвастаться не приходится. Ты для своего возраста еще хорошо держишься, дорогая.

– Согласна, – подумала Эля, продолжая разглядывать себя. – Я, конечно, постарела, но не располнела и не согнулась, хотя уголки рта с годами опускаются всё ниже и ниже и придают лицу откровенно старушечьё недовольное выражение лица.

Лидочка отложила ножницы и теперь колдовала над её головой круглой большой расчёской и обдувала горячим ветром фена. Женщина из зеркала улыбнулась, уголки её губ приподнялись и старушка в зеркале превратилась в насмешливо смотрящую даму. Серые глаза, овальное лицо, брови вразлёт, от природы густые и тёмные, но сейчас их цвет стал неопределённым, каким-то серым.

– Да, всё-таки парикмахеры лучшие друзья женщин, – подумала Элеонора Сергеевна, оглядев плод получасового труда мастера.

Теперь на неё из зеркала смотрела не взлохмаченная бабулька, которая пришла сюда полчаса назад с волосами, затянутыми резинкой в серый крысиный хвостик, а вполне приличная интеллигентная дама со строгими линиями прически типа каре. Этой приятной на вид немолодой даме наверняка из уважения уступят место в общественном транспорте, что, собственно, весьма немаловажно.

– Спасибо, Лидочка! – дама встала из кресла, не отрывая от зеркала оценивающего саму себя взгляда.

– Приходите к нам ещё, Элеонора Сергеевна, – Лидочка удовлетворённо оглядывала свою очередную сотворённую ею красоту. Эля подозревала, что у большинства своих клиентов девушка не помнит лиц, а отличает их только по волосам и причёскам, которым сама и ежемесячно придаёт форму.

Но у неё с Лидочкой были особые отношения. Когда-то очень давно, Эля занималась с ней, запустившей математику тогда ещё восьмиклашкой. Лидины родители почувствовали, что дело неладно, когда дошло до стадии подростковых истерик под лозунгом « Я в школу не пойду, она мне ставит двойки, потому что ненавидит». Эля хорошо знакомая с Лидиной мамой по работе, со своим хорошим техническим образованием и прекрасным знанием школьной математики пришлось весьма кстати и шаг за шагом стала разбирать этот образовавшийся в мозгах девочки школьный завал. Тем более Лида была вполне сообразительная ученица, но из-за длительного подтюкивания математички весьма неуверенная в своих умственных способностях. Год регулярных занятий и, что более существенно, психологической поддержки, вернули девочке веру в свои силы. Инженером она не стала, но умение связывать причины и

следствие, делать из этого вывод и получать ответ научилась. С тех пор она очень очень уважала свою спасительницу и выделяла её из остальных клиенток.

– Приду, конечно, приду, и не раз, – Элеонора Сергеевна раскланялась со своей бывшей ученицей и улыбнулась на прощание даме, глядевшей на неё из большого зеркала парикмахерской. Дама улыбнулась ей в ответ.

Женщина вышла на улицу. Весна набирала обороты, солнце с каждым днём становилось всё ярче и ласковее, снег дотаивал в кучах на обочинах.

Маленький городок, в котором Эля жила уже больше тридцати лет, попав сюда после окончания института, всюю готовился зазеленеть и обрасти травой. За долгие годы существования он пережил и бурный рост, и тяжёлый период разрухи, когда котельная в разгар зимы пыталась пасть голодной смертью без необходимого топлива. Сейчас городок переживал период сытого спокойствия. Денег у администрации хватало на старательных дворников, которые теперь тщательно отскребали парки и скверики от мусора, который с радостью явил себя народу, как сошёл снег.

Элеонора свернула в маленький сквер, который находился недалеко от её дома. Дорожки там уже были подметены, урны поправлены, а на красивых деревянных скамейках даже можно было сидеть, никто пока не вздумал залезть на сиденья грязными ботинками.

В уголке сквера у неё было любимое место: скамья, которая стояла немного в стороне и углом к центральной дорожке. С этого места можно было, не поворачивая головы и будучи самой почти незамеченной, не привлекая ничьего внимания, оглядеть почти всех посетителей этого зелёного оазиса. Когда листва покроет деревья, на любимой скамье будет тень, но сейчас солнце всюю заливало её сквозь лишённые листьев пока ещё голые ветви.

– Сейчас это плюс, организм соскучился по прямым солнечным лучам, – решила Элеонора Сергеевна. Она опустилась на сиденье и опять вспомнила ту немолодую даму, которая наблюдала за ней из зеркала в парикмахерской.

– Да, годы не щадят, – размышляла она, откидываясь на спинку и с удовольствием вытягивая ноги. – Можно было сказать, всё, жизнь закончилась, но самое интересное, что жизнь совсем даже не закончилась, а очень даже продолжается и заканчиваться в ближайшие десятилетия не собирается. А жить как-то надо. Нет, конечно, все мы ходим под Богом, он и решает сколько нам отпущено. Однако вполне может быть, что, согласно возрасту, предстоит прожить еще пару десятков лет и прожить их хорошо бы достойно: интересно, не ноя и не злобствуя, не раскисая и не разваливаясь от болячек. Вот только знать бы как это сделать, если интересы затухли, а организм так и норовит чем-то заболеть.

Она вздохнула.

– Медленно, но верно катишься в беспомощное состояние. Конечно, так просто я не сдамся. Буду искать способы и методы, чтобы не рухнуть обузой сыну на руки. А ещё точнее, невестке. То-то ей будет радость за немощной свекровью ухаживать.

Элеонора Сергеевна жила одна, у неё был взрослый женатый сын, счастливо проживающий в далёком далеке с любимой женой и двумя детьми подросткового возраста. Он заботился о матери как мог, но заботиться получалось в основном финансово, потому что по-другому издалека не позаботишься. Элеонора была ему очень благодарна. Эта финансовая помощь давала ей полное ощущение свободы и непоколебимую уверенность, что с деньгами она с любыми хозяйственными проблемами вполне может справиться сама, будь это протёкшие трубы, сломанный каблук или перегоревший холодильник.

– С хозяйством разберёмся, главное, чтобы здоровье не подкачало. Эх, знать бы как избежать падения моей немощной тушки на плечи ни в чем не повинных родственников.

Эля закрыла глаза, подставила лицо солнцу, расслабилась и даже как будто задремала, когда какой-то шум заставил её открыть глаза.

У скамьи, которая находилась совсем недалеко, в агрессивной позе стоял молодой крепкий парень в черной куртке и черной же кепке – бейсболке, угрожающе нависая над сидящем на скамье человеком в шляпе.

– Деньги гони, дед! – донеслось до неё.

День из безмятежного мгновенно превратился в тревожный.

– Вымогает деньги у старика, гад! – чувство гадливости, опасности и злости всколыхнулись в ней одновременно. Внизу живота прошла знакомая волна. Это была обычная её реакция, когда она боялась. Это был страх перед простым и примитивным физическим насилием, боязнь того, что если она вмешается, её просто ударят, пнут или толкнут.

Но Эля научилась справляться с этой волной. Боязнь физического насилия давно не мешала ей бороться за справедливость так как она её понимала.

Женщина встала и, не обращая внимания на задрожавшие в коленях ноги, решительно шагнула к соседней скамейке, одновременно оценивая ситуацию. Да, действительно, на скамейке сидел старик: лицо в морщинах, из-под аккуратной фетровой шляпы виднеются седые волосы, сбоку от ноги прислонена палочка.

– Совести у тебя нет. Шёл бы ты отсюда, – она старалась говорить спокойно, уверенно и убедительно и надеялась, что в планы грабителя свидетели не входят, что он просто отступит, хоть и угрожающе шипя. Но парню, видимо, очень были нужны чужие деньги.

– Иди отсюда, старая... – и он мерзко выругался.

Эля избегала ругаться матом. Ей претило отвечать в том же ключе, хотя за свою длинную жизнь освоила весь дежурный набор сильных непечатных выражений. Зато она точно знала, что громкий голос пугает.

Поэтому она вздохнула, затолкала поглубже свою стеснительность и заголосила на пол-сквера:

– Да ты сволочь мелкопузая, иди отсюда пока полицию не позвала! Деньги он вздумал вымогать, грабитель недоделанный!

Парень вроде бы сначала отступил назад, но, видимо, угроза от тщедушной пожилой тётки ему показалась незначительной, поэтому он опять повернулся к мужчине и прошипел:

– Я сказал, деньги давай, старый сморчок!

Эля сжалась, бессознательно попыталась сделать шаг вперёд, закрыть собой старика и продолжить свою голосовую психическую атаку, но замерла. Её остановил неожиданно сильный и глубокий голос старика:

– Здесь тебе опасно. Тебе срочно нужно уйти и спрятаться! – каким-то очень твёрдым и повелительным тоном произнёс этот сидящий на скамье пожилой мужчина в шляпе, глядя сквозь парня так, словно он был стеклянным.

Эля застыла, наблюдая мгновенную метаморфозу: глаза парня, которые только что буравили её с выражением полного физического и морального превосходства, опасливо забегали по сторонам, плечи опустились, на лице отразился страх. Он будто уменьшился, съёжился, стал меньше ростом.

Потом сделал несколько осторожных шагов назад, не отводя от них взгляда, потом развернулся и убежал.

Эля повернулась к старику.

– Ну что, давайте знакомиться, дорогая моя защитница? – улыбнулся ей сидящий на скамейке пожилой мужчина. Она молчала и с интересом рассматривала обладателя такого потрясающего повелительного голоса. Он был сухой, жилистый, явно высокий, немного сутуловатый, с острым носом, с руками, покрытыми пигментными пятнами, седой и явно старый, наверное, под восемьдесят лет, с лицом с расплзшимися от возраста чертами и глубокими морщинами. На вид лет на двадцать её старше, но теперь, когда она услышала его властные интонации, у неё язык даже в мыслях не повернулся бы назвать его стариком.

Да, пожилой. Да, очень пожилой, но настоящие мужчины стариками не бывают. Наверное.

По крайней мере не он. По крайней мере не те, которые могут говорить таким уверенным и звучным голосом.

Молчание затянулось. Эля присела рядом и протянула руку.

– Элеонора Сергеевна.

– Глеб Петрович. Ваш, между прочим, сосед.

Женщина удивлённо подняла брови.

– Мы живём в одном доме, только в разных подъездах, – ответил он на молчаливый вопрос. – Я пару лет назад к вам переселился.

– Простите, видимо, мы выходим из дома в разное время, – улыбнулась она. В их многоэтажном доме все знали друг друга только в момент расселения, потому что работали на одном предприятии. За минувшие десятилетия проживания кто-то продал квартиру и уехал, кто-то приехал, кто-то родился и вырос, а кто и вообще покинул этот мир. Дом наполнился новыми обитателями, которых женщина уже далеко не всех знала.

– А вы владеете гипнозом? – этот вопрос зудел у Эли на кончике языка и вылетел первым.

– Да, немного, достаточно, чтобы отбиться от молодых дураков, – мужчина иронично хмыкнул.

– И часто вы применяете гипноз в жизни?

– Исключительно для самозащиты. Не беспокойтесь, Элеонора Сергеевна, этические нормы не дадут мне применять гипноз только для забавы или каприза. Только самозащита или особая ситуация. Если вы не собираетесь на меня нападать, вам нечего бояться, – усмехнулся мужчина. – Честно говоря, этот странный парень подошёл ко мне, когда я уже было собирался уходить.

Он взял свою палочку в руки.

– К сожалению, я сейчас временно хромоног, подвернул ногу. Поэтому вынужден пока ходить... хм... с костылём, – он показал ей свою палку красного дерева с красивым набалдашником.

– Вам помочь дойти до дома? – вырвалось у неё. – Я и сама, признаться, собиралась домой.

– Если вы позволите мне взять вас под руку, то с превеликим удовольствием, – он легко приподнялся, взял Элю под руку и пошёл, опираясь на палку.

По дороге они разговорились и Глеб Петрович немного рассказал о себе. Недавно переехал из другого города, живёт один, детей нет. Имел возможность путешествовать, посвятил этому несколько лет. Эле стало интересно, где же он побывал, но они уже подошли к дому.

Глеб Петрович остановился у третьего подъезда:

– Вот в этом подъезде я и живу. Квартира номер семьдесят два. Надеюсь в ближайшее время увидеть вас еще раз.

– Спасибо. А я живу в первом подъезде, – Эля намеренно не назвала квартиру. Мужчина всегда узнает, если захочет.

Ей стало интересно, попытается ли Глеб Петрович продолжить знакомство, и если да, то в какой форме. Чтобы ходить друг другу в гости нужен повод или какое-то общее дело, что-то объединяющее, на основе чего можно будет общаться.

– До свидания.

– Всего хорошего.

Они учтиво раскланялись и Глеб Петрович, постукивая палочкой, направился к двери подъезда.

Элеоноре Сергеевне на мгновение стало досадно, что мужчина не попытался обменяться телефонами, его голос хотелось услышать ещё раз, но она отогнала это досаду.

– Действительно, обмен телефонами лишнее. Не пересечёмся еще пару лет – и не заметим. Дел у нас общих нет, интересов, вроде тоже. Я ни в няньки ему не хочу, ни в жёны, ни в помощницы по хозяйству. Он, наверное, очень интересный человек, но поводов для общения как ни жаль, но совсем нет.

* * *

Глеб отвернулся и пошёл, постукивая палочкой.

– Да, надо обдумать повод, чтобы побеседовать с ней еще раз и чем-то зацепить.

Он давно заметил её. Почти сразу, когда перебрался в этот дом. У неё была необычная для пожилой женщины походка: быстрая, летящая, какая-то танцующая, будто она бежала на цыпочках. При ходьбе она смотрела не под ноги, что обычно для пенсионерок, а вверх, на небо и слегка улыбалась.

Потом он всегда отмечал, когда видел её вдалеке, идущую по своим делам. Её походку было не перепутать ни с какой другой, даже если одевалась она в какие-то серые и неприметные балахоны или пальто.

То, что женщина магически одарена – сомнений не было, Глеб, как сильный маг, прекрасно видел это по структуре её кокона, как и то, что она о своих способностях не знает и не умеет ими пользоваться.

Однако повода близко познакомиться тогда не было, да и другие дела затянули в свой водоворот. Тогда он много путешествовал, побывал во многих других странах. Слишком многое нужно было понять и увидеть, слишком мало времени ему было выделено и очень не хотелось опоздать и, не рассчитав силы, умереть здесь от старости, не передав собранные им ценные знания.

Сейчас Глеб уже знал время своего ухода, который сам себе и назначил: в июне, в крайнем случае, в начале июля, когда тепло и ночи самые короткие. Тогда будет самое удобное время начать возвращение.

– И то, что она далеко немолодая только в плюс, – продолжал размышлять он, поднимаясь в лифте на свой этаж. – Хотя приблизительно на целых двадцать лет меня моложе, ей по виду около шестидесяти – это как раз минус. Хорошо бы она была еще постарше.

Судьба явно привела в сквере эту женщину к его скамейке, когда Глеб обдумывал возвращение домой, значит, будет большой ошибкой упустить этот подарок.

Оказавшись сегодня рядом с ней, маг смог рассмотреть нехорошие возрастные вихри, которые то там, то сям клубились на её эфирном поле.

– Она вполне легко могла бы их убрать, если бы освоила свой магический дар, – с сожалением подумал мужчина. – А как она бросилась меня защищать! Бездумно, на уровне инстинктов, выдавливая свой страх на задворки сознания. А страх был и немаленький, но ведь отогнала его!

Глеб снова вспомнил эту сцену: угрожающе нависшая мужская фигура в чёрном, а перед ней беззащитная маленькая женская, вооружённая лишь тёмно-красной дамской сумочкой.

Он вздохнул, осознав, что уже прикидывает, все плюсы и минусы, если он будет возвращаться вместе с Элеонорой. То есть фактически уже решил, что позовёт её и сделает всё возможное, чтобы она пошла с ними.

– Что-то я тороплюсь. Неплохо бы узнать её получше. Может, у неё маленькие, но очень кусачие тараканы в голове и как спутница она будет обузой, – Глеб мысленно улыбнулся этому местному весьма точному выражению о бегающих в голове навязчивых мешающих нормальной жизни мыслях. – Да и вообще мнения её хорошо бы спросить. Вполне может оказаться, что ей и тут весьма неплохо, в её планах нянчить внуков и ни в какие далёкие путешествия в один конец она не собирается.

Он поднялся на лифте на свой этаж, но пошёл не к себе, а к соседу Павлу, с которым он сдружился почти сразу, как здесь поселился.

Павел был дома и открыл почти сразу. Бывший десантник, давно пенсионер, он подавлял своим ростом и величиной. Брюшко, которое он отрастил за годы спокойной домашней жизни, придавало ему веса и внушительности.

– Заходи, – как обычно немногословный сосед приглашающе открыл дверь. Он был абсолютно трезв, хоть и помят и небрит. Крупные черты лица, квадратный подбородок. Павел открыл дверь будучи в майке, в штанах с вытянутыми коленками. Редкие седые волосы всклокочены, видимо, опять забыл расчесаться.

Глеб вошёл и сразу направился на кухню, в которой сосед теперь поддерживал армейский порядок. Минимум посуды, всё лишнее засунуто в кухонные шкафы.

После смерти жены Наташи, хозяин дома обитал преимущественно на кухне, хоть и спать продолжал в спальне. Остальные комнаты тихо покрывались пылью. Гостей хозяин не жаловал, дети иногда приезжали, пытаясь встряхнуть отца, но дом без хозяйки перестал быть чистым и уютным. Квартира превратилась в берлогу, в обиталище холостяка, в место ночёвки. Основное время Паша проводил в гараже. Приближалось лето, надо будет ехать на дачу, однако мужчина тщательно гнал от себя эту мысль. Он вообще не представлял как это жить на даче без Наташи.

Глеба Петровича Павел считал боевым другом. Они познакомились как соседи сразу, как только Глеб поселился в этом доме пару лет назад. Наташа тогда ещё была здорова.

А когда она заболела, выяснилось, что сосед немного экстрасенс. Он не мог вылечить Наташу, но зато в последние месяцы помогал снимать ей боль, за что Павел, который в моменты её приступов от чувства бессилия и беспомощности мог сломать кулаком стены, был соседу очень благодарен.

Жена сгорела за несколько месяцев. Павел знал, что Глеб из-за этой помощи отложил свои путешествия и дела на стороне и только ради Наташи никуда далеко не выезжал.

Сказать, что бывший десантник это оценил – ничего не сказать. Он просто внутренне записал его в круг самых близких друзей, проверенных в бою.

После смерти жены Павел запил, не выходя из дома. Дети были далеко и слишком самостоятельные, для кого теперь жить, мужчина не понимал. Глеб пытался привести его в чувство укорами, упрёками и уговорами, но ничего не помогало. Однако те несколько месяцев, когда они вдвоём вместе стояли у постели умирающей женщины, связали их слишком сильно, чтобы он мог так просто оставить Павла наедине с его горем.

Тогда Глеб плюнул на конспирацию, и рассказал кое-что о себе и предложил другу возвращаться вместе с ним. Это было пару недель назад.

Паша принял эту идею сразу. Он и сам не знал как дальше жить. Со смертью жены пропал смысл существовать, а после предложения Глеба он опять появился. Простой и понятный – помощь и защита друга в тех передрыгах, которые он ожидал, возвращаясь к себе домой, туда где жил.

Условие Глеба было тоже простым и понятным: сосед перестаёт пить, занимается своим здоровьем и по своим каналам интересуется где можно купить оружия. Ничего запредельного: автомат, можно пару, пистолет, можно несколько и патроны к ним. Ну и гранаты не помешают.

– Расскажу всё подробнее немного попозже, – тогда пообещал он другу.

Паша не настаивал. Ему уже было достаточно, что в его жизни появилось хоть что-то, на что можно опереться.

Глеб зашёл на кухню и сел у стола.

– Есть будешь? – хозяин квартиры грузно уселся на против. – Выпить не предлагаю. С чем пришёл?

– Ты знаешь эту женщину из двадцать девятой? Элеонору?

– А, Элю? Да, конечно, вместе работали. Мы тут все вместе работали, дом от предприятия построен. Наташа о ней неплохо отзывалась. А что?

– Думаю, не взять ли её с собой.

– Хм, зачем? Ты же говорил, что будет опасно добираться.

– Женщина всегда нужна для гармонии. Другой взгляд, другой подход, забота, в конце концов. Не тебе спрашивать, ты без женщины чуть сам себя не утопил. Да и способности у неё особенные.

– Тоже экстрасенс что ли, как ты?

– Вроде того. Я сегодня с ней поговорил, – немного лукавил Глеб, не впадая в детали сегодняшнего происшествия, – вроде подходящая, да неплохо бы её получше узнать. Как бы нам пообщаться? Можно даже и втроём, твоё мнение мне будет интересно.

– Тебе срочно?

– Не особо, время пока терпит. Ты же знаешь, я уход на июнь запланировал, а сейчас только конец апреля.

– Тогда всё просто – у нас дачи рядом. Все дачники поедут на майские на посадку, она, думаю, тоже. Я, кстати, с ней знаком, могу отследить её как-бы случайно и поинтересоваться. Поедем на дачу и там организуем шашлычок, пригласим, побеседуем. Обычное дело.

– То, что надо, – кивнул Глеб.

План был просто замечательный.

Буквально через день Павел «случайно» встретил Элю, выходящую из подъезда, и исподволь выведал у неё планы на майские и даже пригласил подвезти на дачу.

Она согласилась и была рада. До их садоводства прямой автобус не ходил, добираться приходилось около полутора часов на перекладных, а машины у неё не было. Ехать решили заранее на день раньше основного потока дачников.

Они договорились созвониться за день до поездки и расстались довольные друг другом.

Глава 2

Майские праздники приближались с ужасающей быстротой. Элеонора Сергеевна уже за неделю стала собирать необходимое: одежду, дачные мелочи, которые она потихоньку закупала всю зиму. В результате, этого необходимого набралась большая сумка. Нужно было ещё взять рассаду, которую всю весну с любовью выращивала на подоконнике. Её Эля упаковала в две большие картонные коробки.

Маленький дачный домик на её участке, вернее маленькая дачная хижина, вмещала в себя диван стол и пару стульев. Там можно было переночевать, но длительное проживание возможно было только летом, когда тепло и большого количества вещей не требуется.

Она созвонилась с Павлом, который уверил, что в машину всё поместится, так что пусть берёт всё, что находит нужным. Выезжать наметили утром.

Когда Эля вышла из подъезда со своими сумками и коробками, одетая в белую футболку, простые джинсы и неяркую практичную тёмную куртку, машина уже стояла. Паша стоял рядом со своей старенькой Тойотой, копясь в багажнике. Он поднял голову на звук открывающейся двери подъезда.

– Привет, – сказал он, подошёл и забрал коробки с рассадой. – Коробки в багажник, не упадут, не бойся. Сядешь спереди или сзади?

Садиться на место хозяйки Эле не хотелось. Она чувствовала, что несмотря на внешнее безразличие, для Паши это до сих пор было «Наташино место».

– Сзади.

– Тогда устраивайся.

Женщина открыла заднюю дверь и увидела, что в машине сзади уже есть один пассажир. Там сидит и улыбается ей тот самый Глеб Петрович, с которым она познакомилась тогда в парке при таких необычных обстоятельствах.

– О, Элеонора Сергеевна, как я рад вас видеть! Добрый день!

– Добрый день, – кивнула в ответ Эля и забралась в машину.

Подозрительность подняла голову, хотя в чём-то плохом подозревать Пашу было совершенно невозможно.

Мужчина покосился на неё и, будто почувствовав её подозрительность, сказал:

– Я живу на одной площадке с Павлом, его сосед. Был еще с Наташей знаком до её кончины. Мы уже давно собирались вместе с ним провести пару вечеров на природе. Сами понимаете, дача, баня, шашлык, все прочие дачные прелести. Вот, решили, наконец, поехать. Когда Паша упомянул, что прихватит до садоводства и некую Элю, я сразу подумал, что это вы. У вас редкое имя. Ну и понадеялся, что эта женщина с редким именем будет не против разделить поездку со мной.

Его искренняя улыбка обезоруживала. Женщина успокоилась.

– Это просто стечение обстоятельств, – подумала она. – Да и мне самой тогда было интересно побольше побеседовать с Глебом Петровичем. Почему-то кажется, что он очень интересный человек, многое повидал, много знает. Хорошо было бы порасспросить его поподробнее, а тем более вечером на природе у огня. Посмотрим, пригласят ли они меня вечером на шашлычок.

Она усмехнулась своим мыслям.

Павел грузно уселся на водительское место, оглядел в зеркало заднего вида своих молчаливых пассажиров и улыбнулся.

– Ну что, поехали? Вы вроде уже знакомы, – и без лишних слов завёл мотор.

* * *

Они сидели на низких лавках у костра, который развел на своём дачном участке Павел. С шашлыками было покончено. Сидеть было очень комфортно, погода радовала, тело удовлетворённо впитывало съеденный шашлык и наслаждалось чувством сытости и покоя.

Один бокал красного вина, который прилагался к еде, был всего лишь приятным расслабляющим бонусом. Мужчины к приятному удивлению Эли тоже ограничились одним бокалом. Сама она обычно пила мало, а с пьяными было скучновато, да и опасно. Из многих на вид спокойных людей в пьяном виде начинала вылезать укрощенные в трезвом состоянии неудовлетворённость жизнью, злоба, и даже агрессия.

Конечно, даже уже во время приготовления шашлыка не замедлила завязаться очень оживлённая беседа на отвлечённые темы. Ну не о раскаде же разговаривать, право слово. Глеб рассказывал, где он был, свои впечатления, любопытные случаи своих недавних путешествий, смеялся и провоцировал, втягивая собеседников в шуточные перепалки.

Постепенно разговор скользнул к теме возраста.

– Ну и что бы вы делали, если бы стали моложе? – спросил Глеб, глядя на друга, причудливо оттеняемого пламенем костра. Было темно, освещение во дворе они намеренно не стали включать. – Вот ты, Павел, тебе сейчас около семидесяти. И вдруг молодеешь, скажем, для начала, до пятидесяти, например.

– А в трудовой книжке мне до сих пор семьдесят? Пенсия остаётся? – практичный Павел первым делом подумал о формальной стороне дела.

– Да, внешние условия те же. Формально ничего не изменится, мы говорим о внутреннем ощущении молодости, о функционировании тела.

– Наверное, стал бы путешествовать. С рюкзаком, с палаткой, пешком по диким местам. Или на машине. Хотя да, она-то как раз денег требует. Может, даже и дачу для этого продал бы.

– А что бы делала ты, Эля? – они уже договорились обращаться на ты и сейчас женщина постепенно привыкала к такому обращению.

– Моложе на двадцать лет? Значит, мне около сорока? Дайте подумать.

Она помолчала.

– Если сорок, то значит, я уже не просто человек женского пола, а полноценная женщина, могу рожать детей. Хм... могу создавать новую жизнь, давно забытые ощущения, признаюсь. Но, это вряд ли было бы моей целью. Наверное, стала бы учиться чему-нибудь интересному, чтобы быть полезной. Сейчас-то моя учёба не имеет смысла. Память работает не как у молодых, всё, что я сейчас выучу, очень быстро забудется без практики, да и работать вряд ли меня возьмут по возрасту. Ну, если только уборщицей, и то по благу. А на неё учиться не нужно.

Глеб улыбнулся.

Ответы порадовали, значит, он не ошибся. Именно с этой компанией обратный путь должен быть легче. Идти придётся долгие месяцы как раз в тех условиях, которые описал Павел: пешком по диким местам. А Эля будет обучаться магии, уж куда полезнее. Наверное, самое время посвятить их в свои планы. Павел и так этого ждёт, а вот Эля...

– Будем надеяться, что она не испугается, и тот дух авантюризма, который я в ней чувствую, подтолкнёт её идти с нами, – подумал Глеб, а вслух сказал: – Вам никогда не казалось странным, что сначала в сказках описывались волшебные предметы, и через некоторое время они появлялись в реальности. И только в наш период, насыщенный техникой, принципиально новых идей нет.

– Что ты имеешь в виду, Глеб?

– Ну например, в сказках было зеркальце, которое показывало дальние страны. Через пару столетий появился телевизор. Или ковер-самолёт из древних сказок. Да те же сапоги скороходы.

– И что вы... ты этим хочешь сказать? В чем идея этого экскурса? – спросила Эля, глядя на мужчину задумчивым взглядом из-за наполовину наполненного бокала. Красная жидкость в отсвете костра отсвечивала приятным рубиновым отсветом. – Ну да, сначала придумали, потом воплотили мечту человечества.

– Наоборот. Я просто хочу донести вам мысль о том, что в данном случае поменялись местами причина и следствие. Представьте, если человек, который наблюдал далёкие страны на экране телевизора попадает в прошлое и попробует описать его. Стеклопанная поверхность, показывает людей и дальние страны. Вот вам и образ волшебного зеркала.

– Да, наверное, но путешествие в прошлое тоже из области сказок.

– Да нет, не совсем. Об этом как раз я и хотел бы с вами поговорить сегодня. Сейчас очень подходящее время. Помнишь, Павел, обещал, что расскажу всё поподробнее. Вот сейчас и попытаюсь.

Глеб вздохнул. Сегодняшний вечер определяющий.

– Ну... – длинная пауза, он улыбнулся и произнёс: – я сам из будущего и есть.

Ошеломлённое молчание было ему ответом. Элеонора и Павел переглянулись, но никто из них не встал, чтобы уйти. Это был хороший знак.

– Понятно, что не верится. Но попробую объяснить. На протяжении многих тысячелетий, скольких не знаю точно, на всей планете существуют порталы, прокальвающие время. Нечто вроде перехода, войдя в который ты можешь отправиться в прошлое или будущее. Насколько именно сотен лет, можно понять, если ведётся общее летоисчисление. Если не ведётся, то и не понять. Особенность этих порталов в том, что они появляются только ночью, на очень короткое время и видны только немногим людям, с особым зрением, которых называют странниками, а точнее, магами-странниками. Простые люди эти проколы во времени даже не заметят.

Эти порталы постоянны и всегда находятся на одном и том же месте. Но так как простые люди их не видят, то на этом месте они могут понастроить всяких зданий, фактически перекрыв портал. Для того, чтобы этого не произошло, вокруг этих порталов стали строить особые дома, у которых основным правилом было наличие свободного, ничем не заполненного про-

странства внутри, чтобы странники могли беспрепятственно проходить, не влетая в стену и не застревая на выходе или входе. Своего рода надёжную красивую коробку для перехода. Чтобы держать эти дома и их стены в сохранности долгие годы, их объявляли священными.

– Это храмы! – выдохнула Эля.

– Да, ты угадала. Зарождающиеся религии объявляли эти особые дома своими храмами, потому что в них не велись обыкновенные бытовые дела. Они как бы хранили само время, несли частицу вечности. Днём в них стали проводиться обряды, но только истинные хранители знали, в чём глубинное предназначение такого здания и чему на самом деле оно служит и почему стоит именно на этом, а не на каком-то другом месте.

И вот представьте себе такую картину: вокруг храма течет время, пролетают столетия, рядом с ним вырастает и постоянно перестраивается город, кипят войны, создаются крепости, меняются династии, рушатся одни крепостные стены, строятся новые. Меняется всё, кроме пространства внутри храма. Оно как бы вход в трубу времени, по которой можно перемещаться через столетия. Портал может быть и в какой-то церкви в маленькой захолустной деревеньке, и в дацане. Но смысл всё тот же. Хотя верно и обратное: не в каждом храме портал.

– И в православных может быть тоже?

– И в православных. Портал там должен находиться на месте перед престолом, где даже проходить лишним людям запрещено. Причем, лично я не думаю, что это наличие портала как-то может осквернить чувства верующих. Религия днём, портал ночью сосуществуют параллельно многие столетия и, может быть, и тысячелетия. Да, переход есть и никому не мешает, потому что его никто не видит. И используют его крайне редко.

– Почему?

– Потому что магов-странников рождается очень мало. А обученных странников ещё меньше. Без наставника человек, родившийся со такой способностью, просто не может научиться его видеть.

Эля представила себе, как человек может путешествовать из прошлого в будущее и наоборот. Это какие возможности!

– И что, так легко можно путешествовать? Раз и там? Или в прошлом или будущем, по вкусу? Только маги-странники?

– Нет, переходить может любой человек. Порталы открыты для всех. Но только странник может показать, куда и когда входить. Вот я такой маг-странник и есть.

Но не всё так просто в этих путешествиях, есть существенные ограничения.

– Какие?

Глеб окинул друзей взглядом.

– Ну хотя бы то, что при переходе в прошлое, тебе прибавляется возраст. Я здорово постарел, когда пришёл в ваше время. И уже не рискну погружаться в более глубокое прошлое, чтобы не умереть на выходе из портала. Так что несколько тысяч лет – это предел, который ограничен временем жизни самого странника. Уйти к динозаврам не получится.

– А если ты уйдешь обратно в будущее?

– Тогда снова помолодею. Я буду в том же возрасте, что и уходил, ну и плюс пара лет, что прожил здесь. Однако в моё будущее, относительно меня, моего времени, в котором родился, я уйти не могу.

– Почему?

– Такая особенность, странники не видят порталов, которые ведут в будущее относительно их реальной жизни. Так что в будущее, которое меня ждёт, по желанию и мимоходом скакнуть, да ещё и помолодеть мы, маги-странники, не можем.

– А здорово было бы. – заулыбался Павел. – Доживаешь до, скажем, пятидесяти и прыгаешь и опять тридцатилетний. Живёшь в будущем еще двадцать лет, потом опять прыг – в будущее и опять тридцатилетний. И так вечно живёшь, пока не надоест.

– Мир устроен так, что эту лазейку для вечной жизни странникам не оставил.

– Ну, можно ведь как-то договориться со странником из будущего, и он проведёт.

– Может быть, но я об этом не слышал. Переходы ведь длиной в сотни лет и тысячи лет. Самый короткий, что я знаю – около пятисот. Сложно договориться с человеком, который будет жить через пятьсот лет.

Было темно. Костёр почти совсем догорел. Глеб пошевелил палкой угли и от костра в темноту полетели яркие искры.

– Ну, время позднее. Думаю, продолжение нашей беседы перенести на завтра. Чувствуется, вопросов у вас будет масса. Однако хотелось бы, чтобы кроме всего прочего вы бы обдумали ещё и моё предложение.

– Какое?

Две пары внимательных глаз, мерцающих красными отсветами от затухающего пламени, смотрели на него.

– Я хотел бы, – продолжил Глеб после паузы, – чтобы вы ушли со мной в ваше будущее, на приблизительно тысячу лет вперёд. Там очень непростое время и меня там ждёт длительное довольно опасное путешествие. Мне хотелось бы иметь там друзей, спутников, которым я смог бы полностью доверять. Обдумайте всё, что я вам тут сегодня наговорил, завтра продолжим, если захотите.

– Да уж, – подал голос Павел, – надо бы всё переварить да обдумать.

Эля поднялась со своего места. – С вашего разрешения, я пойду?

Она немного помедлила, ожидая, что скажут мужчины.

Павел молчал, глядя на угли, оставляя за Глебом, как за лидером, последнее слово.

– Я провожу тебя, Эля. Если ты не против. – поднялся и Глеб. Как он не старался, старое тело двигалось не так ловко, как ему бы хотелось.

В темноте они дошли до Элиной дачи, ничего не говоря, погрузившись в весенние ночные запахи и звуки.

– Я надеюсь, до завтра? – Глеб протянул ей руку.

– Спокойной ночи, – женщина протянула руку в ответ, но ушла от ответа.

Она улеглась спать, боясь, что ей будет трудно заснуть от избытка мыслей и чувств, от наплыва вопросов, которые она не задала и надо будет обязательно задать завтра, но на удивление очень быстро заснула.

В ярком сиянии утреннего солнца всё произошедшее выглядело куда менее таинственно и загадочно и гораздо более практично. Даже если это был розыгрыш с дальнейшими криками, мол, мы тебя разыграли, а ты и поверила, то вчера в фантастической форме был поставлен один единственный вопрос: готова ли она оставить свою прежнюю жизнь и уйти вместе с Глебом и Павлом куда-то непонятно куда с надеждой научиться чему-то очень интересному.

Если ещё проще, готова ли она уйти от того, что её окружает куда-то в неопределённость, но с верными друзьями ради высокой цели.

– А ведь готова, – покопавшись в своих желаниях, удивилась сама себе Эля. – Мужа давно нет и не будет. Родители уже ушли в мир иной. Вот и хочется рискнуть и уйти, чтобы избежать печального конца: свалиться немощной обузой в семью сына. Я ведь всё равно рано или поздно уйду к Богу совсем, так что, если предоставляется выбор, лучше уйти здоровой и полной планов, нежели развалиной, потому что тело не справляется. Только нужно поподробнее узнать, что нас ждёт в бытовом отношении. Уходить в жуткие условия, чтобы просто остаток жизни бороться за примитивное выживание и ежедневную борьбу за добывание пропитания тоже как-то глупо. Да и доказательств хоть каких-то от Глеба Петровича хочется, кроме того случая гипноза.

Так что можно не сомневаться, вечером я опять к ним пойду. Опять же надо же узнать, куда именно меня зовут и зачем. Ну, Паша понятно, сила и мощь, защита, а я-то Глебу зачем?

Она заставила себя целый день заниматься хозяйственными делами, хотя посадка рассады в теплице в свете сделанного вчера предложения уйти насовсем полностью потеряла смысл.

С трудом дождавшись времени, когда начало темнеть, Элеонора Сергеевна подошла к знакомой калитке. Глеб Петрович в лёгкой светлой куртке стоял на крыльце.

– Добрый вечер!

– А, Эля, как хорошо, что ты пришла! Заходи, мы тебя ждём, – он, немного прихрамывая, спустился с крыльца и по выложенной камнем дорожке пошёл ей навстречу. – Мы как раз собрались приготовить, что Бог послал, и поужинать.

– А что он вам послал сегодня?

– Сосиски, – пробасил выходящий из-за угла дома Павел, улыбаясь ей. – Привет!

Паша был рад, что она пришла. Он попытался утром поспрашивать друга о будущем, но тот отговорился тем, что вечером придёт Эля с вопросами, а повторять два раз не хочется.

– Придёт ли?

– Думаю, что мы в ней не ошиблись. Не сомневайся, придёт.

Глеб и на этот раз оказался прав.

После прихода Эли они ещё полчаса готовились к ужину, резали хлеб и овощи, привезённые собой, разливали остатки вина, болтали ни о чём и в конце концов расселись вокруг костра как вчера.

Сполохи огня освещали лица. Немного прояснилось и похолодало, поэтому Эля закуталась в тёплое шерстяное клетчатое одеяло, которое вынес ей из дома Павел. Небо было чистым, с его тёмно-фиолетовой бархатной высоты поблёскивали искры звёзд и чётко, как нарисованный, сиял месяц.

Глеб оглядел молчащих собеседников.

– Ну, что притихли, вопросы есть?

– Есть, конечно.

Все переглянулись.

– Что там в будущем, как живут? Ты говоришь, что трудно. Почему? Что случилось? Всё-таки ядерная война произошла? – спросил Паша.

– Трудно, да. Но успокою сразу, ядерная война не случилась. Всё просто: произошёл обещанный учёными поворот земной оси на несколько десятков градусов. Земля просто повернулась к Солнцу другим боком. По планете пронесли природные катаклизмы, ледники начали таять в одном месте и собираться в другом. Климат поменялся везде принципиально. Многие города на побережье просто затопило. Но тогда человечество успело ухватить спасённые крохи цивилизации. Тогда уже были построены плавающие города, часть которых, несмотря на бушующие в океане волны и ураганы, сумели спастись.

– А почему они не смогли тогда удержать достижения цивилизации? – спросила Эля.

– А как? При всей автономности этих плавающих городов они не были абсолютно автономны. Даже для одежды, которую они могли шить, ткань нужно было производить. Нужны нитки и иголки. Даже если в океане можно добыть еду, для нормального функционирования такого города нужно электричество и топливо. Тем более исчез ваш интернет, на котором было завязано всё управление бытом. Весь ваш мир взаимозависим. Исчезает одна часть, другой для функционирования нужно восстановить исчезнувшее, иначе всё скатится к примитивному существованию: заботам об обеспечении еды, воды, одежды и защита добытого.

Но ты права, именно в таких плавающих городах остались специалисты и централизованное управление, хотя большинство населения этих городов умело только потреблять, но не производить. Но ещё тогда остатки цивилизации с трудом, но функционировали. Только, к сожалению, даже эти остатки человечество сохранить не успело. Почти сразу после природного катаклизма начался делёж этих городов и ресурсов с применением оставшейся военной тех-

ники. Хорошо хоть не ядерных ракет. После этого не осталось ни техники, ни людей, которые хоть что-то в этой технике понимали. Ни электричества, ни заводов, ни промышленности, ни образования, ни людей, которые могли это организовать. Чистый нетронутый природный мир с остатками человечества в виде разрозненных сообществ, которое опять вернулось к общинному строю.

– Да уж, печальную картину ты тут нам нарисовал, – задумчиво произнёс Павел.

– Что есть. Это в наших книгах написано.

В доказательство этого, вспомним то, что я вам вчера про идеи, переданные через сказки, говорил, то обратите внимание, что в современных сказках ничего нового нет. То есть идей из будущего нет. Потому что в будущем нет и достижений.

Да, ещё успеют сделать, лазерный меч. Тот самый меч-кладенец, я так понимаю. Другими словами до катастрофы человечество успеет усовершенствовать лазеры до личного оружия типа «меч-кладенец», да ещё сапоги-скороходы, видимо, появятся. Они уже и сейчас у вас почти созданы, скоро будут использоваться.

И всё. После этого ничего нового не произойдёт, а только наоборот, пропадут и телевизоры, и ковры – самолёты.

– И когда катаклизм произойдет?

– Лет через сто – сто пятьдесят после вашего времени. Точная дата неизвестна.

– А мы на сколько лет вперёд попадём?

– Первый прыжок – на тысячу лет вперёд. Тогда уже хоть какая-то организация общества будет.

Потом еще два прыжка по тысяче лет. Там совсем хорошо. Государства появятся и даже империя.

– А куда, собственно, мы направимся сначала? Где находится портал у нас?

– Да не очень далеко. Чуть больше двухсот километров. Я, собственно, поэтому здесь и оказался. Совершенно ни к чему было забираться далеко от перехода. Да и в ваших больших городах мне душно и питаться почти нечем, к вашей химической еде я не привык и привыкать уже не стоит.

– А цель нашего путешествия в твоё время будет какая?

– Книги довести. Информацию. Попытаться передать накопленные знания.

– Какие книги?

– Справочники по электричеству, химии, автомобилестроению да металлостроению. У нас ведь там электричества нет, машины, а тем более самолёты ещё не изобрели. Вот и получается, что одни книги пока. Ваши гаджеты работать не будут. Вот, поможем нашей молодой цивилизации освоить завоевания вашей старой цивилизации, если получится.

– Строй у вас там какой?

– Монархия. Короли.

Они замолчали. Эля поняла, что теперь её очередь задавать вопросы. Паша встал и подкинул пару поленьев в костёр. Пламя снова стало разгораться, темнота отступила, опять стали видны лица собеседников.

– Ну ладно, Паша, он большой и сильный, а я-то ва... тебе зачем? – спросила она Глеба.

– А ты, Элечка, необученный маг. Обучать тебя буду, как ты и мечтала.

– Что, какой маг?! Смогу огненными шарами кидаться?

Она посмотрела на свои руки.

– Нет, – в его голосе слышалась улыбка. – Это мы так говорим. Маг. А у вас здесь пользуются другим словом: экстрасенс. Ты хороший, сильный, но необученный экстрасенс. Обучить тебя – будешь видеть ауру, да слои полей вокруг каждого живого существа. У нас это кокон называется. Ну и лечить сможешь. Сильные маги даже недостающие органы могут отращивать. Вот начнём развивать твои способности, поймём к чему у тебя особые способности.

– А откуда ты знаешь, что я маг?

– Вижу, потому что я сам маг. Маг мага видит издали, если перефразировать вашу поговорку.

– Да, звучит потрясающе. Даже забываешь, что можем и погибнуть по дороге, – усмехнулась Эля.

– Можем. Но ты забываешь про самый интересный бонус этого путешествия – мы будем молодеть. Ты же хотела бы, чтобы тебе опять было двадцать лет, но весь твой наработанный опыт остался?

Эля промолчала.

– Да мне бы хоть десяток лет бы сбросить, а то совсем тоскливо. И смысл у меня тут быть потерялся, – произнёс угрюмо Паша. – я бы и на пятьдесят был бы согласен, а сорок лет вообще красота. Да и местный комфорт, горячая вода, телефоны – интернет, конечно, хорошо, но как представишь, что будет одно и то же еще десяток лет при постоянном ухудшении здоровья, готов уже в любую авантюру пуститься.

А почему мы можем погибнуть, в чем опасность?

– Следующий портал находится далеко от того места, куда мы выпрыгнем. Машин там нет, самолётов тем более, так что придётся добираться месяц – полтора до следующего перехода. Это если не застрянем нигде. А государство, как у вас здесь, защищать нас не будет. Нет никакой милиции-полиции. Минимальная защита за частоколом поселений. А глава поселения – Бог и царь. Захочет распять, позарившись на что-то, распнёт. В общем, опасно.

Но мы берём оружие, да и магия моя кое-что может.

– Что это интересно, если файерболами не кидаться?

– Много и без файерболов. Глаза отвести, например, или подчинить человека.

Эля вспомнила голос повелительный голос Глеба, когда он велел грабителю уйти и спрятаться.

– Да, это тоже работает, сама видела.

Она немного помялась, но потом решила и, вопросительно глядя на пожилого мужчину, спросила:

– Глеб, а можно нам представить какие-то доказательства того, что ты из будущего?

Павел тоже с интересом посмотрел на друга, хотя ему доказательства особо и не требовались. Месяцы, проведённые Глебом у постели Наташи, снимали все вопросы.

Глеб улыбнулся.

– Ну, вещей из будущего у меня нет, да и не докажут они вам ничего, потому что там они там попроще ваших нынешних. Однако могу продемонстрировать сомневающимся мои магические способности.

– А-а-а, – разочарованно протянула Эля, – гипноз, я уже видела.

– Не только подчинение. Могу продемонстрировать магию иллюзий. Для тех, кто сомневается.

И в тот же момент, на месте Глеба Эля увидела сына. Он был реален, был одет в свою любимую зелёную куртку, улыбался своей знакомой, чуть смущённой улыбкой и ничего не говорил, а потом помахал ей рукой и исчез.

– Ох, – выдохнула Эля и чуть было не заплакала от разочарования, что это была всего лишь иллюзия.

Глеб Петрович виновато посмотрел на неё.

– Прости, я дурак, невольно сделал тебе больно. Не подумал. Извини.

Он покосился на Павла. Иллюзию Наташи маг тоже легко мог бы сделать.

Но Паша ничего не говорил и только невидящим взглядом смотрел куда-то в сторону.

– Ну что, друзья, подведём итог? Вы принимаете моё предложение, и мы начинаем готовиться уже как следует?

– Да, – сказал Паша, – я принимаю. Наберём оружия и пойдём. Квартиру и дачу детям отпишу.

Эля молчала. Вопрос для неё всё так же висел в воздухе и что на него отвечать, она ещё не решила, тем более после демонстрации образа сына, когда она увидела его так близко, все сомнения всколыхнулись с новой силой.

Затянувшееся молчание нарушил Глеб.

– Ещё не определилась? Ну, время ещё есть, так что у тебя есть еще несколько дней. Но чем раньше ты решишь, тем раньше мы начнём заниматься развитием твоих способностей.

Эля удивлённо подняла брови.

– Ну Э-э-эля, – протянул мужчина, улыбаясь, – ты же не думаешь, что только после перехода твои способности заработают. Они есть уже сейчас. И чем раньше мы начнём их развивать, тем раньше они начнут давать пользу. А процесс этот не быстрый. Если ты решишь, то завтра уже можно начинать с азов.

Женщина поднялась с места, аккуратно сложила одеяло и оставила на лавке.

– Уже поздно, мне пора, – извинилась перед собеседниками она. – Спасибо за вечер. Спокойной ночи. Не нужно меня провожать.

И она, не оборачиваясь, ушла в темноту.

– Что это с ней? – удивился Паша.

– Ничего страшного. Просто боится себе признаться, что готова с нами идти. Женщинам надо давать время дозреть. Каким бы это решение не было.

– А сколько тебе реально лет, – вдруг заинтересовался Павел.

– Хочешь спросить, сколько я прожил с момента своего рождения?

– Да.

– Приблизительно тридцать пять лет.

Паша присвистнул.

– Да ты молодой! Это как тебе сейчас скучно в старом теле-то!

Глеб засмеялся.

– Именно! Скучно. Масса физических возможностей утеряна. Зато голова работает хорошо.

– Почему?

– Гормоны не мешают, внимание не уплывает. Чем моложе мужчина, тем чаще мозги оказываются ниже пояса, заставляя совершать глупейшие ошибки. Неужто не замечал? Ничего, свои глупости я ещё наверстаю через пару переходов, – засмеялся он.

– С Элей? – ухмыльнулся Павел.

– Не обязательно. Хотя не исключаю, она ведь привлекательная женщина, помолодеет, так вообще будет красавица. Но если ты думаешь, что я её беру с прицелом на дальнейшее развитие любовных отношений, то очень ошибаешься. Она мне просто нравится как человек, у неё хороший магический потенциал и характер комфортный. Буду формировать из неё магиню.

Да и вполне вероятно, – покосился на друга Глеб, – что это именно ваши отношения быстрее сложатся, у вас и возраст ближе, и менталитет. Я ведь на двадцать лет её всё равно, всегда буду старше, что в прошлом, что в будущем.

Да, мне всего лишь хочется, чтобы она была в нашей команде. С ней наша команда гармоничнее: женский подход, женский взгляд, женская оценка ситуации и это при отсутствии склонности к истерикам и скандалам. Серьёзное преимущество для команды. Согласись, неплохо!

Магический потенциал у неё на самом деле высокий, тут я не вру. Когда она обучится и тебя в очередной раз залатает после какого-нибудь боя – вспомни тогда меня добрым словом.

Глеб отвернулся, помолчал и задумчиво промолвил, глядя куда-то вверх на перемигивающиеся звёзды:

– Она согласится, вот увидишь. Уже завтра.

Эля, промучившись в сомнениях ночь, к утру поняла, что если она не согласится, то будет грызть себя за нерешительность всю оставшуюся жизнь.

Она проснулась почти к полудню и поняла, что решение выкристаллизовалось. Сыну всё равно рано или поздно придётся принять её уход. Почему не сейчас, когда у него налажена вся жизнь?

Женщина привела себя в порядок, спокойно позавтракала и направилась к Пашиной даче.

Когда она подошла к калитке, хозяин дачи с интересом вглядывался в открытый капот своей старенькой Тойоты.

– Привет!

– Привет! – Павел пошёл ей навстречу. В его глазах ей почудился молчаливый вопрос, мол, что надумала? Глеба не было видно.

Эля замялась. Кому она должна сказать своё «да»? Передать через Павла или дождаться самого Глеба?

Паша вдруг широко улыбнулся.

– Знакомое выражение лица наблюдаю, однако. У Наташки такое было.

– Когда?

– Когда она соглашалась, но ещё была не полностью уверена.

Эля засмеялась:

– А ты, оказывается, специалист по выражению женских лиц! Надо принять к сведению. Но приходится признать, что ты прав. Где Глеб? – оглядела она дачный участок.

– Собирается, мы сегодня едем домой, начинаем вплотную собираться, закупаться и доделывать всё. Поедешь с нами или остаёшься?

– Я с вами.

Слово было произнесено и упало как подпись на договоре.

И Павел это понял. Он в медвежьем объятии одной рукой сгрёб её за плечи и прогудел басом:

– Не бойся, девчонка, прорвёмся. Из нас выйдет отличная команда. Не пожалеешь.

Эля хмыкнула, услышав «девчонка».

– Иди собирайся. Полчаса тебе хватит?

– Да.

Рубикон был перейдён.

Через час они втроём уже ехали домой, обсуждая общие планы на ближайшее время.

* * *

Конец июня, на который Глеб Петрович назначил переход, неумолимо приближался. Эля знала, что мужчины каким-то образом добыли нужное оружие. Подробностей они не рассказывали, да она и не настаивала. Добыли и добыли. Реальность стремительно отступала и становилась прошлым.

Надо было ещё и приготовить одежду. Мужчины в будущем всё так же ходили в штанах и куртках, разница была только в том, что ещё обязательным был меч или кинжал, висящий на поясе. А вот женщинам джинсы и брюки в обтяжку носить уже не рекомендовалось.

Как сказал Глеб Петрович, женщина перешла в разряд приза, добычи, поэтому без мужчины рядом ходить не стоило. Но и самим защитникам вызывать дополнительные завистливые слюни у окружающих самцов тоже не было резона. Поэтому женщины на людях одевались скромно, прикрывая свои возможные прелести. В ходу была одежда, которая прикрывает тело понадёжнее: юбки подлиннее и лучше несколько, а если брюки, то сверху рубашка или что-то

вроде камзола, скрывающего аппетитность пятой точки. Декольте и прочие красоты оставались только для узкого круга своих.

– Ну да, – хмыкнул мужчина в ответ на её перекосившееся от разочарования выражение лица, – была бы ты помоложе, я бы тебя взять не рискнул.

В один из вечеров Глеб пришёл к Эле домой. Он дождался, когда она уснула, хотя расслабиться от присутствия чужого мужчины в её квартире было ей совсем непросто. Во время сна он провёл с ней сеанс, названный магическим обучением: напрямую передал ей знание языка, который будет использоваться через тысячу лет там, где им предстояло проходить. Передал слепок на ментал, так он сам сказал.

Такой же сеанс гипнопедии он провёл и для Павла. Только разница была в том, что Паша не напрягался и заснул почти сразу же как коснулся подушки, не обращая внимания на присутствие Глеба в его квартире.

После этих сеансов они трое могли разговаривать на неизвестном для всех остальных языке.

Эля спросила, можно ли так было выучить, например, испанский или арабский?

– Конечно, – равнодушно ответил Глеб, – это несложно. Я в путешествиях так и делал. Когда знаешь язык местного населения, узнаешь и понимаешь гораздо больше, чем обыкновенный турист.

Потом посмотрел на неё:

– Ты хотела выучить испанский?

– Это был португальский, – ответила она, – но, видимо, уже поздно. Это потеряло смысл.

А потом начались занятия, то самое главное, что нравилось Эле: они начали заниматься с Глебом и развивать её способности. Он учил её расслабляться, чувствовать своё тело, свою ауру, которую упорно называл коконом. Никаких особых способностей у себя она не наблюдала и, наверное, уже разочаровалась бы, но Глеб уверял, что всё очень хорошо продвигается, что слои структурируются в нужном направлении и совсем скоро она и сама почувствует свою магию.

Последние дни Элеонора занималась тем, что приводила всё, даже мелкие дела в порядок, сдала знакомым на лето дачу, написала сыну дарственную на всё, подключила ко всему, что можно автоплатежи и теперь надо было сделать самое тяжёлое – написать прощальное письмо сыну. Они редко виделись, у него было всё хорошо, и помощь ему не требовалась. В его жизни с её уходом ничего не менялось. Просто сейчас она просто уходила немного раньше, нежели ушла бы естественным путём. Она уходила от основного страха – быть обузой в старости. Всё вроде логично, но письмо никак не писалось.

Эля сочиняла его уже третий день, перепортив целую пачку бумаги.

Ей хотелось этим письмом передать свою нежность, спокойствие и уверенность, чтобы он не волновался и не бросился на поиски. Она решила не смущать его сообщением, что «уходит в будущее», а написала, что собирается в длительное путешествие с надёжными людьми очень далеко в тайгу. Связи там нет. Возможно, она там и приживётся, поэтому переоформляет квартиру на него. Если её долго не будет – квартиру и дачу можно будет продать.

Письмо выходило сумбурным, многословным, каким-то слезливым и совсем не таким, как ей хотелось бы.

В конце концов Элеонора Сергеевна взяла пример с Павла. Он длинных писем писать не стал, а просто позвонил детям и сказал, что у него дела, он уезжает надолго, и затем договорился с нотариусом, что им через полгода сообщат, что он переоформил квартиру на них.

Она позвонила, будничным тоном объявила о своём отъезде, попросив не волноваться, если её долго не будет, что, мол, она уезжает в тайгу в далёкую деревню, там не будет ни связи, ни интернета, передала привет внукам и невестке.

Но потом всё-таки написала большое письмо полное нежности и любви такими словами, которые ей давно хотелось сказать сыну, но в будничных делах и заботах, в простом общении казались пафосными и слишком высокопарными.

В конверт она вложила фотографию, где они сидят обнявшись, и после долгих раздумий написала на ней: «Спасибо, что ты со мной»

В письме было написано, что она уже не вернётся, это её твёрдое решение, поэтому через полгода её отсутствия можно писать заявление об её пропаже без вести, если это будет необходимо. Что пусть он не волнуется, никто не собирается умирать и планирует жить ещё долго, счастливо и в полном здравии, только слишком далеко.

Конверт она отдала с тем, чтобы послали сыну через полгода.

* * *

Глеб назначил точную дату выезда. Это был конец июня перед ночью в полнолуние.

После недолгого совещания решили до портала добираться на чужой машине, оставив Пашину старую Тойоту в гараже.

Ехать предстояло за двести с небольшим километров до небольшого посёлка, который вырос вокруг старого храма. Новые люди там никого бы не удивили, паломников по святым местам всегда было много, поэтому нанять туда машину и там остановиться не составляло труда. Это не привлекло бы особого внимания. Гигантские рюкзаки, которые им пришлось взять с собой, тоже не вызвали вопросов, потому что недалеко от этого посёлка начинался лес, часто посещаемый туристами с палатками, а у них как раз, как у настоящих туристов были прикреплены к рюкзакам пенки, у Паши даже болтался сбоку котелок.

Они договорились со знакомым автомобилистом и утром, нагруженные под самую завязку, усаживались в чужую машину.

У Элеоноры Сергеевны всё внутри дрожало, хотя она старалась этого не показывать. Зачем устраивать истерику, когда всё уже взвешено и решено ею самой. Никто её за верёвку не тащит, хотя очень хотелось поддаться страху, повернуть назад и сказать:

– Я передумала, извините.

Она не сомневалась в своих друзьях и знала, что её не осудят. Но не в них было дело.

Дело было в ней самой. Эля знала, что ей нужно это путешествие, ей самой.

Глеб поглядывал на неё с сочувствием. Он видел в её коконе тревожные вихри, хотя внешне ничего не было видно, она только сжала сильнее зубы и у линии губ легла дополнительная складка.

– Переживает, – подумал Глеб, – но молчит. Тяжело, наверное, отрывать. Это я с радостью возвращаюсь. Устал я быть очень старым. Паша тоже переживает, напряжён, но не так сильно как она. Он потерял свою главную привязку – жену, дети для него давно отделены. А вот её главная привязка – сын, остаётся. Ей придётся пережить разрыв.

Машина тронулась.

Через четыре с половиной часа они подъехали к одной из маленьких местных гостиниц при храме. Они выгрузили свои гигантские рюкзаки, тепло попрощались с водителем, который пожелал им хорошей погоды и не заблудиться, и вошли в гостиницу, где бросили в комнате свои рюкзаки, и пошли погулять и осмотреться до вечера.

Естественно, первым делом, путешественники пошли в храм и осмотрели его. Он был старый и намоленный, Эля хорошо это почувствовала. Было ощущение особого пространства, вроде как созданного за столетия канала, по которому молитвам легче пробиваться куда-то на другой уровень бытия, куда-то на высокие небеса.

Друзья вели себя как обыкновенные туристы: пообедали и погуляли вокруг посёлка. Он стоял на достаточно высоком холме, храм был виден издалека.

– Вот то, что он стоит так высоко его и спасёт, – сказал Глеб. – Затопит многие города и храмы вместе с порталами, лик планеты изменится, а останется этот храм и его портал внутри.

– А как мы ночью внутрь попадём? – спросила Эля.

– Ну, это совсем несложно, если умеешь подчинять людей. Пока ты впитывала в себя святость места, я узнал, кто в храме закрывает боковой вход. Так вот вечером нам нужно его будет встретить, и он нам просто отдаст ключи.

– Так просто? Как же вы в будущем живёте, если так легко подчинить любого?

– Ну, во-первых, это у вас техногенная цивилизация, надеетесь на технику, поэтому не умеете подчинять и этим пользоваться. Во-вторых, у нас в будущем разработали методы защиты, блоки в ментальном слое, амулеты всякие, зелья. Умение подчинять – это своего рода оружие, от каждого оружия должна быть защита и её создадут.

Но, конечно, мы, маги будущего, которые освоили воздействие на ментальный слой человека, в вашем времени всегда будем чувствовать себя просто королями. Именно благодаря этому я у вас жил вполне комфортно – добыл документы и легализовался.

– И деньги на покупку квартиры в нашем доме из банка увёл? – ухмыльнулся Паша.

– Не... ну ты уж меня совсем за грабителя держишь! Нет. Просто продал один из своих драгоценных многокаратных камешков. Я же только тут притворяюсь пенсионером, а на самом деле я состоятельный маг. У меня хороший дом в столице остался.

– Со слугами?

– Да. Если доберёмся, и не передумаете по дороге остаться, сами увидите.

– А у тебя и жена есть? – эта мысль как-то раньше не приходила Эле в голову, а теперь она представила себе богатый дом и сразу подумала о хозяйке.

– Нет, – засмеялся Глеб, – семья есть, а хозяйки нет.

– Что, тебя бросила жена и оставила с детьми?

– Ох, Эля, вечно вас женщин на эмоции сносит, и вы домысливаете то, чего нет! Нет у меня ни жены, ни детей, зато есть младшая сестра, мама с тётушкой и старший брат. Но сама понимаешь, их ещё нет в природе, до них еще почти четыре тысячи лет.

К вечеру Глеб вышел из гостиницы и буквально через двадцать минут спокойно вернулся обратно и показал друзьям большой ключ от боковой двери.

– Ключ есть. Выходим сразу, как полностью стемнеет, в одиннадцать.

А потом оглядел притихших друзей:

– Если будете делать точно то, что я скажу, всё будет хорошо, не волнуйтесь.

Глава 3

Их небольшая компания со своими большими рюкзаками протиснулась в алтарную комнату.

Было темно, и только луна светила в узкие высокие окна, давая хоть какое-то освещение. В этот момент Эля поняла, почему Глеб выбрал уходить в полнолуние.

Он аккуратно положил на метр перед престолом квадратный светлой расцветки коврик, который нёс в руках. Коврик был размером метр на метр, точно со столешницу престола.

– Портал откроется тут, – сказал он. – Храмы строились как раз вокруг таких порталов, чтобы уберечь место, но оставить его свободным. То есть выбирал место для планирования и строительства храма тот, кто знал про магов-странников и их пути. Ну и одновременно решали вопросы помещения для проведения религиозных обрядов.

Сначала вообще место портала отмечали престолом, то есть самое святое и неизменное место храма одновременно было местом временного прокола. То есть престол стоял именно там, где можно было перейти. Потом престол отодвинули немного вглубь алтаря, потому что вставать на престол в момент перехода как-то сильно оскорбляло религиозные чувства хранителей храма и портала.

Сейчас престол всё также отмечает место прокола, но через метр после. Я положил там коврик, чтобы вы знали, где переходить. Он светлый, его будет хорошо видно под лунным светом. Можно было бы нарисовать мелом, но вы не увидите нарисованное в темноте. Мне-то просто будет виден сам портал.

Эля приняла объяснения, но чувство, что они оскверняют алтарную комнату осталось. Она поймала себя на том, что тянется чувствами к Богу, чтобы открыть свои чистые намерения. Чтобы кому-то... Богу? Небу? Судьбе? Чтобы чему-то великому и трансцендентному, какой-то разумной вечности, управляющей миром, которая находилась сейчас с ними и глядела на них в этом тёмном храме со всех сторон, было ясно, что в их помыслах нет ничего злого и грязного, что они просто странники, только путешествуют не в пространстве, а во времени, и только поэтому они здесь.

Павел молча стоял рядом.

– Теперь будем ждать, – сказал Глеб Петрович, подхватывая свой немаленький рюкзак. Он сделал несколько шагов и сел на скамью, прислонившись к стене спиной, не снимая лямок рюкзака. – Портал появляется на очень короткое время. Его почти не видно, а точнее, увижу его только я, вы не увидите. Он достаточно большой и высокий, чтобы прошел человек с рюкзаком, но по ширине он ограничен столешницей жертвенника, в высоту метра два.

– Паша, – обратился он к другу, – будь осторожен. Коврик точно размером с портал. Следи за локтями. Помните, всё, что выйдет за границы портала – остается тут. Будь то выставленный локоть или рука, которой вы можете случайно махнуть. Не машите ничем, я вас прошу.

И второе, что важно помнить. Портал может открыться ночью в любое время только на очень короткое время. По моими прикидкам это всего лишь двадцать секунд. Поэтому мы должны быть в полной готовности каждую секунду. Мне хватит двух-трёх секунд, чтобы увидеть, осознать и сказать вам. Я сразу, не медля, включаю фонарь, вскакиваю и иду. Три шага и вход в портал – четыре секунды. Так что у вас семь секунд на сборы. У Паши одиннадцать. Вы идёте сразу за мной, не раздумывая, не задерживаясь, точно и быстро повторяя мои движения. У нас даже пять секунд в запасе. Мы успеем.

Паш, думаю, я пойду первым, Эля второй, ты замыкаешь. Если она замешкается – поможешь. Что скажешь?

– Нормально, успеем, – Павел присел рядом с другом и устроился поудобнее, тоже не снимая лямок рюкзака.

Эля села рядом, пытаясь снизить возбуждение.

– Четыре секунды на проход! – мысленно заволновалась она. – Нет, этого вполне достаточно, если ты молодой и прыткий, а мы старые и медлительные! Да ещё и с тяжёлыми рюкзаками, с которыми нужно быстро встать! Глебу Петровичу вообще за восемьдесят. Ну, понятно, Паша, у него остались армейские навыки, а я могу промедлить, вовремя не среагировать, прокопаться не только отведённые мне пять секунд, но и Пашины, и что в результате? Если закрытие портала застанет Пашу в процессе перехода, что тогда?

– Глеб Пе.., Глеб, а если я промедлю и Паша не успеет пройти полностью, что тогда?

Мужчина помолчал, но всё-таки ответил. В лунном свете, падающем сквозь окна, было видно, что он смотрит на неё искоса.

– Или останется здесь, или... уйдет частью. Эля, не паникуй, не нагнетай, ты быстро пройдёшь, да и Паша из чувства сохранения тебе поможет.

– Пройдем нормально, – пробасил Павел. – Если кто-то будет копаться – подтолкну и пропихну. Будет тормозить – возьму на плечо и пропихну. А если при этом будет торчать какая-то часть тела в сторону – значит, этот кто-то останется без руки. Так что, Элочка, если я тебя хватаю на плечо – сгруппируйся и просто повисни и всё пройдет на ура. Быть располовиненным мне не улыбается, поэтому проскочим на рефлексках. Меня больше беспокоит, чтобы мы

вовремя среагировали и не проспали. Ближе к утру можно так расслабиться, что за двадцать секунд даже сообразить не успеем, что портал был. Тем более в темноте.

– Это точно, -улыбнулся Глеб. – Если так произойдет, остаёмся до следующего цикла, куда деваться. Хотя и очень не хочется, ожидание выматывает. Что будем делать, чтобы внимание не терялось? Разговаривать? Молчать? Дежурить по одному?

– Глеб, давай мы с тобой дежури́м, а Эля пусть сидит, старается не спать, но как получится. Если что – я помогу ей вскочить с рюкзаком, пропихну. Ты сам, главное, внимания не теряй. И действительно, если ты проскочишь, а мы замешкаемся, то останемся тут, во избежание. А расскажи нам поподробнее, что нас ждёт-то? Что не очень ласковое будущее – это уже понятно.

– Ну, смотря в каком смысле неласковое, – вздохнул Глеб Петрович. – В смысле натуральности климата и чистоты воздуха – очень даже ласковое. В смысле, устройства человеческого общества – да, дикие времена, выживай кто может. Мы же не зря оружие берём. Вы очень сильно недооцениваете мир и спокойствие своего времени. Проскочим через портал, получите возможность сравнить как это жить без государства и цивилизации. У вас человечество добилось того, что можно жить одному и спокойно ходить по улицам. Женщины могут ходить по улицам без боязни быть изнасилованной каким-то забавником, могут учиться вне дома, надевать короткие платья. У вас можно работать без того, чтобы вынужденно содержать кучу воинов, чтобы защитить заработанное. Мы сейчас переместимся во времена, когда ещё нет четко очерченных стран и границ, где главенствует право сильного, где женщина является добычей, если она не имеет защитника просто потому что она слабее физически, где нет всеобщей грамотности и высокая смертность. Люди живут общинами, города небольшие, фактически большие деревни, окружены по крайней мере частоколом, или устроены так, чтобы была естественная природная защита. Тяжелые времена, время становления и захвата, время выживания, из оружия мечи, стрелы, в лучшем случае арбалеты.

– Но ведь у нас есть оружие, мы ведь сможем защититься, – с надеждой в голосе произнесла Эля. Она уже отвлеклась и не смотрела на пространство над разложенным ковриком, но мужчины не сводили с него глаз.

– Есть. Надеюсь, это оружие поможет нам добраться до следующего портала, который перенесёт нас ещё дальше, ближе к моему времени на тысячу лет. Но добираться до этого следующего перехода далеко и сложно и частью по воде. Достаточно будет один раз перевернуться в воде, и мы останемся с голыми руками и без нашего ценного оружия. И тогда всё в разы усложнится.

Очень надеюсь, что у развалин этого храма в будущем никого не будет. Неизвестно, как нас могут встретить. Два года назад, правда, никого не было.

Он помолчал.

– Храм здесь такой красивый, чистый и ухоженный. Через тысячу лет от него одна коробка осталась, да и там я поверхность престола очистил от обломков и место портала перед ним.

– Там могут быть люди?

– Почему бы и нет, вероятность, хоть и маленькая есть. Этот храм в будущем стоит на острове. Если я нашёл этот остров, другие тоже могут его найти. Да, место для прыжка из перехода приготовлено, но в тот ли год мы попадём – не знаю. Я провёл у вас пару лет, да и у портала в тысячу лет, вероятно, есть какие-то погрешности. Попадём туда через два года плюс минус какие-то месяцы после того как я там побывал и сюда отправился.

Другими словами, что нас там ждёт – неясно, но есть большая надежда, что ничего особенно плохого и остров пуст как и прежде.

– А что это за портал такой и откуда ты про него узнал? – спросил Павел.

– Мы слишком мало о таких порталах знаем. Почти совсем ничего. Магов-странников очень мало, да и они часто платят жизнями, унося с собой в могилу результаты проведённых исследований. Представь, можно, исследуя переход, прыгнуть и оказаться в замкнутом пространстве. Или застрять при переходе. И уже никому о своей ошибке не скажешь.

Я узнал об этом портале из старых записей, которые откопал в библиотеке. С большим трудом, но смог найти этот остров, а на нём храм. Это значит, что маг-странник, который передо мной прошёл путь туда и обратно, смог передать информацию в моё время. Но куда он делся потом и где он сейчас? Не знаю.

Так что за эти два-три года моего отсутствия там и люди могут появиться у храма, даже основать поселение рядом.

– Или перетащить престол в другое место.

– Да, или перетащить престол. Хотя это вряд ли, зачем? Слишком массивный. Но люди такие затейники.

– А мы выпрыгнем именно ночью или в любое время суток?

– Если я правильно понимаю, то ночью. Похоже, это как-то связано с ходом Солнца и тем, что ночью портал закрыт от солнечного влияния всей толщей Земли.

Эля слушала их спокойный разговор и чувствовала, что её волнение потихоньку спадает.

Тёплая темнота церкви успокаивала. Фонарь они выключили, звуки негромко, но гулко разлетались в тишине и отражались от купола и стен. Золотое убранство поблёскивало в лунном свете.

– Не отключайтесь, держите внимание, – Паша почувствовал общую накачивающую расслабленность и не терял бдительности. – Не забывайте, зачем мы тут. Разговоры разговорами, но норматив в двадцать секунд нам не отменят.

Эля улыбнулась и посмотрела на часы с подсветкой: полвторого. Ночи сейчас короткие, после заката прошло два часа. За оставшиеся до рассвета три часа должно всё определиться. Надо взять себя в руки: предрассветные часы самые тяжёлые, захочется спать.

Она не успела поднять взгляд от часов, как Глеб Петрович воскликнул:

– Пора!

Это звучало как приказ: резко и повелительно. Мужчина сразу слегка наклонился вперёд перенося вес рюкзака так, чтобы было легче встать и поднялся.

Павел почти одновременно включил фонарь.

Эля вскинула взгляд. Для неё это «Пора!» было словно выстрел из стартового пистолета, после которого надо оттолкнуться и начать бежать что есть сил, чтобы выиграть.

Глеб Петрович в два прыжка достиг престола, ступил на коврик у его подножия, шагнул и исчез.

Наверное, если бы Эля была одна, она бы растерялась, начала раздумывать, суетиться.

Но буквально в ту же секунду она почувствовала, что Павел быстро поднимает её рюкзак да так, что одновременно лямками поднимает её, ставит на ноги и слегка толкает вперёд, немного придерживая, чтобы она не споткнулась от сильного толчка.

– Эля, иди, не волнуйся, но и не тормози.

Женщина шагнула к престолу, наступила на край коврика и промедлила, потому что никакого портала или ещё чего-то особенного она не увидела. Впереди в свете фонаря виднелся престол с разложенными на нём священными предметами. Ей надо было всего лишь сделать шаг с одной стороны коврика на другой. Это было странно. Возникло чувство, что это всего лишь игра, затеянная Глебом Петровичем, и сейчас он выйдет из тени и скажет:

– Розыгрыш! А вы и правда поверили?

– Иди! – Павел почувствовал её сомнение. – Иди и ничего не думай!

И она шагнула.

Свет фонаря исчез, на мгновение её окутала серая мгла и потом Эля опять оказалась в темноте.

Буквально мгновения ей хватило понять, что она прошла портал, потому что темнота эта была совсем другая, очень тёплая, влажная, с запахом соли и шумом моря и намного светлее, чем предыдущая, потому что на этот раз луна светила не только в узкие окна, но и в пролом в крыше.

Глеб схватил её за руку и заставил сделать несколько шагов в сторону.

– С прибытием, Элечка! Отойди, дай перейти Павлу.

И сразу массивная фигура Павла шагнула по направлению к ним.

– Успели, – выдохнул он и включил фонарь.

Они огляделись.

Богатое убранство храма, где они провели несколько часов ожидания, исчезло. Ему на смену из темноты освещаемые фонарём осторожно проявились облупленные стены, покосившиеся проёмы дверей, крыша с прогнувшимися балками, провалившаяся на одном из углов от старости, обломки камней и дерева. Только это и осталось от былой красоты и величия.

Неизменным остался лишь мраморный престол, почти не изъеденный временем и стоящий точно там же где и прежде.

Павел хотел осмотреться прямо сразу и поставить дежурного.

Но Глеб настоял на том, что надо выспаться всем, просто натянув верёвку на входе, если кто попытается зайти, зашумит и они, хорошо вооружённые, смогут дать отпор.

– Паша, поверь мне, сейчас тела начнут привыкать к новому состоянию. Лучше спать и отдыхать, всё пройдет легче. Я не говорил вам, чтобы не пугать, но перестройка организма в молодое состояние не совсем легко даётся. Предлагаю расстелить наши туристические коврики, палатка не нужна, я натяну верёвку сам, а вы ложитесь и отдыхайте.

Эля действительно почувствовала, что голова стала кружиться, и тело как-то ослабло. Она с трудом отвязала пенку от рюкзака, расстелила рядом и буквально рухнула на неё.

Она закрыла глаза, голова кружилась. Сквозь нарастающий шум в ушах она услышала несколько коротких фраз, брошенных Павлом, но смысла уже не поняла, уловила только звук его голоса.

– Мы прошли, – смогла подумать она. На этом все мысли закончились, её скрутило в какой-то тугий узел, однако не настолько удушающий, чтобы потерять сознание. Мышцы сводило дрожью, тошнило, во рту ныли зубы, низ живота тянуло давно забытым спазмом. Это кошмарное состояние всё длилось и длилось, не давая вздохнуть.

– Господи, как долго ещё это терпеть, я больше не могу! – сквозь дурноту прорвалась отчаянная мысль, и Эля, сжав зубы, протяжно застонала.

– Терпите, – услышала она какой-то напряжённый голос Глеба сбоку от себя. Видимо, перестройка и ему давалась несладко. – пока... ничем... не помочь.

Паша просто не ответил.

Сколько они так промучились, Эля не знала. Ей казалось, что эта нескончаемая пытка тянется уже целую вечность. Но в какой-то момент она поняла, что дышать чуточку легче, и надежда, путаясь в бессвязности мыслей вспыхнула в ней, приводя в чувство.

Тошнота спала, когда рассвет окрасил в серо-голубой цвет окна и дыру под потолком, но на смену тошноте пришла слабость. Усталое тело жаждало отдыха, и сознание, не спрашивая хозяйку, скользнуло в забытье сна.

Элю разбудил громкий голос, гулко разлетавшийся под высокими сводами.

Слова казались знакомыми, но смысл сначала ускользал: то ли интонации были незнакомыми, то ли произносимые звуки, то ли всё вместе. Только через некоторое время она поняла, что это голос Глеба, и он говорит на том самом языке, которой передал им магическим обучением.

– Ну что, друзья мои, теперь будем говорить на другом языке. Вам пора привыкать и нужно бы потренироваться выражать на нём мысли. Русский останется нам для тайных частных разговоров и что-то мне подсказывает, что вы его не забудете, потому что общаться на нём придётся часто. Хотя не забывайте, современный язык в этой местности произошёл от смеси русского и ещё ряда восточных языков. Это смесь языков тех народностей, которые из-за катаклизма оказались вместе и перемешались.

– Ну ты гад, – с пола ответил Паша на чистом русском, – предупредить о таком состоянии не мог?

– А зачем? Не хотелось вас пугать, особенно Элю. Ничего бы это не изменило, а дрожания нервам прибавило бы.

– А если бы на нас кто-то напал в таком состоянии?

– Ну не напал же. Сразу по приходу было понятно, что храм пуст и как был заброшенным, так и остался. Это значило, что к нему нет внимания и, если даже здесь недалеко есть люди, они здесь редко появляются. И уж точно не придут ночью. А до утра мы бы восстановились слегка. Эля, ты как? Тебе-то, наверное, хуже всего. – повернулся к ней Глеб.

– Почему? – хрипло сказала женщина, голос слушался её с трудом.

– Потому что в мужской природе стареть постепенно, а у вас скачком. Значит, и обратно должен быть скачок, удар по пожилому организму. Как себя чувствуешь? На вид вроде ничего, такая как прежде.

– Как «такая как прежде»?! – охнула Эля. Она села, и, преодолевая лёгкое головокружение, стала шарить в рюкзаке в поисках зеркала.

Глеб засмеялся.

– Ох, Эля, как легко заставить вас, женщин, шевелиться! Скажи что-нибудь о внешности, и вы сразу подпрыгиваете и начинаете брать себя в руки. Да и эгоистически думаешь только о себе. Вот посмотри на нас с Пашей, мы же не изменились, но тебя это не тронуло. Ты вообще об этом не вспомнила.

Однако, краснея под насмешливыми взглядами мужчин, Эля всё-таки упорно искала в рюкзаке свою косметичку, а когда, наконец, нашла, то вытащила маленькое зеркальце и стала себя разглядывать. Да, вроде ничего не изменилось. Те же морщины, та же обвисшая кожа на веках. Настроение ухнуло в пропасть.

– Господи, лучше бы я не строила планов на молодость, не было бы тогда так мерзко на душе сейчас, – подумала она и отвернула расстроенное лицо от спутников, пряча взгляд.

– Э-э-э-э-эля, – насмешливо пропел Глеб, – ты торопыга, которая любит домысливать. Изменения ты почувствуешь постепенно. У тебя изменился гормональный уровень, это твои внутренние железы, фабрики гормонов, получили приток молодой энергии и ночью устроивались в твоём организме в новую более молодую конструкцию на долгое проживание. Но это не значит, что с тебя должна сразу чулком, как у змеи, слезть старая кожа, а под ней оказаться новая и молодая. Клетки кожи просто будут постепенно отмирать, а вот следующие будут образовываться по новым правилам. Постепенно ненавистные тобой морщины расправятся. Нет, я понимаю, что наша с Пашей внешность тебя интересует во вторую очередь – съехидничал он, – но хочу уверить, что и у нас с Пашей тоже вид будет помоложе, и суставы скрипеть будут меньше. Хотя и не мгновенно, но всё наладится.

Паша, сидевший и стены на раскатанной туристической пенке, иронично хмыкнул.

– Ну, теперь ты понял, – обратился к нему Глеб, – почему нельзя прыгать туда-сюда, как ты мне когда-то предлагал? Организм взбрыкнуть может, так валяться у портала и останешься, помолодевший, но неживой. Ну что, друзья мои, давайте начинать новую жизнь? И всё-таки предлагаю потренироваться в новом для вас языке и начать на нём говорить. Вставайте, пойдём осматриваться. Эля, ты как, в норме?

Она кивнула и медленно поднялась, прислушиваясь к своему состоянию. Почти хорошо, а по сравнению с ночным самочувствием просто великолепно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.